

Эксперимент с сентиментальностью

Ян Тирсен в А2
приглашает Юрий Яроцкий

НОВОСТЬ о том, что в Петербург снова приезжает француз по имени Ян Тирсен, как-то неожиданно греет сердце. Несмотря на то, что в последние годы он пишет музыку, радикально отличающуюся от той, за которую его все полюбили.

Полюбили Яна Тирсена за саундтрек к фильму «Необыкновенная судьба Амели Пулен» режиссера Жан-Пьера Жене, попросту «Амели». Это была вполне коммерческая история: благодаря случайному стечению обстоятельств никому почти не известный композитор получил очень выгодный заказ. Талантливых французских музыкантов немало, но очень немногие из них как-то сильно привлекают к себе внимание. Ян Тирсен внимание привлек сразу, потому что музыка и картинка образовали совершенно волшебный симбиоз. И при этом картинка без музыки жить не могла, а музыка без картинки — еще как. Тогда, в 2001 году, Яна Тирсена записали в ряд главных кинокомпозиторов, стали сразу называть новым Нино

ИГРУШЕЧНЫЙ
КОМПОЗИТОР, ДЛЯ
СОЗДАНИЯ МУЗЫКИ
ИСПОЛЬЗУЮЩИЙ
ИНСТРУМЕНТЫ, НЕ
ПОДХОДЯЩИЕ ПО СТАТУСУ
ДЛЯ СЕРЬЕЗНЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Рота — и не было никаких причин такой аванс ему не выплатить.

Аванс оказался выплачен зря. Карьера в киномузыке у Тирсена не сложилась. Он написал еще один в меру заметный саундтрек — к фильму «Goodbye, Lenin!». Очень милый, но не более того. С тех пор ничего стоящего ему не заказывали и уже, кажется, не закажут. Зато того ложного старта, которым стала история про Амели, хватило для того, чтобы композитора не забыли.

После «Амели» в Тирсена на несколько лет вцепились крупные фирмы грамзаписи. Кульминацией этого мезальянса стал, пожалуй, концертный альбом 2002 года «C'etat ici», записанный в течение двух вечеров в парижском Cite de la Musique. Там все было по-взрослому — оркестр, в меру известные приглашенные вокалисты. Это

была совсем неплохая запись, но было бы очень странно, если бы она оказалась к лицу ее главному участнику.

Все начиналось со знакомых тактов «La Valse d'Amelie», сыгранных на игрушечном пианино. Дальше, разумеется, вступал оркестр, но именно эти первые такты раскрывали одну из главных музыкальных ипостасей Яна Тирсена — игрушечный композитор, для создания музыки использующий инструменты, не подходящие по статусу для серьезных произведений. Один из самых известных образов Тирсена — присевший на колени перед этим игрушечным пианино человек в мятой майке и застиранных джинсах, а потом вдруг берущий в руки аккордеон и заходящий в какой-то неожиданно совершенной «Цыганочке». При этом не важно, какой перед ним зал — хоть бы и стадион,

такое тоже не раз бывало. Ян Тирсен, конечно, не один такой умелец доводить музыкальную сентиментальность почти до границ абсурда, вспомнить хотя бы Пьера Бастьена и Паскаля Комелада, но он оказался человеком поярче, да и обстоятельства сложились благоприятно.

Еще Ян Тирсен — настоящий музыкант в том смысле, что музыка для него важнее, чем ожидания публики. Да, сентиментальность хороша, но лишь до тех пор, пока она хоть чуть-чуть сакральна, — ликующий стадион полностью нивелирует ее смысл. Заход в сокровенные уголки французской уличной музыкальной культуры для него явно отыгран, во многом отыгран и минимализм, в котором он вполне успешно продолжал традиции Филиппа Гласса и Майкла Наймана (последний, как известно, планировался на роль компози-

тора к «Амели», пока Жене случайно не услышал в машине диск Тирсена).

Сейчас интересы Яна Тирсена, насколько можно судить по имеющейся информации, лежат в области экспериментального рока. Он лучше себя чувствует не перед детскими инструментами, не с аккордеоном, а с электрической гитарой. Собственно и на своем последнем, шестилетней давности московском концерте он развлекал МХАТ совсем не только тем, что от него ждали, но и настоящим, в стиле Sonic Youth, нойзом. Скорее всего, что-то подобное будет и в этот раз, и тот факт, что именно этот мрачный человек со своей непростой для восприятия музыкой когда-то раскрасил звуками картинку «Амели», может придать этим недружелюбным звукам неожиданное очарование.

Клуб А2, 11 декабря, 20.00

